

В. Л. Дуров

**Научная дрессировка промыслово-
охотничьих собак**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
В11

В11 **В. Л. Дуров**
Научная дрессировка промыслово-охотничьих собак / В. Л. Дуров – М.: Книга по Требованию, 2023. – 74 с.

ISBN 978-5-519-15342-3

Репринт оригинального издания 1933 года.

ISBN 978-5-519-15342-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Вас неожиданно укололи иголкой в руку. Вы отдернули ее. Что тут произошло?

Укол, это — раздражитель. Отдергивание руки есть отражение укола или, по-научному, рефлекс. ("Рефлекс" — по-русски: отражение).

Свет, ветер, дождь, пыль и прочее заставляют вас зажимать глаза. Это тоже рефлекс, защитный: опуская веки, вы предохраняете нежную поверхность глаза или сетчатку от неприятного раздражения.

Современные ученые пришли к выводу, что физиологический механизм действий и поступков человека и животного сводится к ряду отражений или рефлексов на внешние и внутренние раздражения. Рефлекс это есть основное нервное действие, а сумма таких действий и составляет все отношение животного или человека к окружающей действительности, которое мы наблюдаем за наших животных.

Какова же внутренняя механика этих рефлексов?

Можно проделать такой опыт. На ноге у человека в сухожилиях коленной чашки находятся концы нервов, соединенных со спинным мозгом. Если по этому месту, т.е. по нервам, слегка ударить молоточком, раздражение тотчас передается по нервным волокнам в спинной мозг. Отсюда раздражение сообщится другому нерву, который доведет его обратно, до мышцы, разгибающей колено. В результате вся нога судорожно выпрямится, произойдет рефлекторное сокращение мышцы, разгибающей колено.

Таков в общих чертах нервный механизм рефлексов.

Вот еще один пример простого или безусловного рефлекса.

Вы взяли в рот кусочек сухого хлеба. Его трудно жевать и проглатывать. Тогда язык через нервные проводники передает в головной мозг раздражение от находящейся во рту пищи. Оттуда дается нервный сигнал слюнным железам, находящимся в полости рта. Железы начинают выделять необходимую для прожевывания слюну.

Надо сказать, что такие простые безусловные рефлексы заложены в физиологической структуре животного и человека с самого рождения, получены им по "наследству".

Только что появившийся на свет щенок, испытывая ощущение голода, начинает нищать и разыскивать сосок матери. В момент, когда он добирается до соска, осязательные нервы на слизистой оболочке его губ передают раздражение в мозг. Врожденный рефлекс сосания тотчас же передает отражение мышцам губ, рта и языка, и щенок начинает тянуть молоко.

Простые безусловные рефлексы однообразны. Другими словами, одинаковые раздражители всегда вызывают одни и те же отражения и действия.

И, наконец, мы видим, что простые безусловные рефлексы автоматичны, то есть происходят "сами собой", независимо от желания или нежелания животного.

Если к зрачку собаки поднести близко лампу, зрачок сейчас же сузится. Уберите лампу в сторону, и зрачок снова расширится. Это тоже безусловный рефлекс, и происходит он совершенно самостоятельно, помимо воли животного.

Животное, лишенное безусловных рефлексов, не может существовать, потому что именно они дают ему возможность приспособиться к окружающей обстановке — ходить, прыгать, хватать пищу, проглатывать ее, убегать от опасности, защищаться от нападения, совершать половой акт и т.д.

Кроме простых безусловных рефлексов, существуют сложные безусловные рефлексы, отличающиеся от простых безусловных рефлексов тем, что они возникают не под влиянием внешних раздражителей, а под влиянием внутренних импульсов — голода, жажды, полового раздражения, заботы о потомстве — и представляют собой длинную цепь постепенных и последовательных сложных действий, врожденных, не требующих обучения. Это то, что обычно называется "инстинктом".

Есть сложные безусловные рефлексы питания, размножения, защитные, социальные и другие, которые дают возможность животным бессознательно приспособиться к окружающей среде и организовать ее для своих нужд. Все они явились в результате накоплений опыта в течение многих тысячелетий путем наслаивания и сцепления простейших безусловных рефлексов.

Какой же аппарат в организме животного осуществляет сложные безусловные рефлексы?

Наш ученый из школы академика И.П. Павлова профессор Зеленый удалял у собаки полушария головного мозга. После этого собака продолжала выполнять все действия, которые мы рассматриваем как сложные безусловные рефлексы: она продолжала двигаться, проглатывать пищу, выделять слюну перед едой, совершать половой акт и пр.

О чем это говорит? Это убеждает нас в том, что материальная основа всех бесчисленных сложных безусловных рефлексов находится не в больших полушариях, так называемом переднем мозгу, а в среднем и заднем мозгу, который, в процессе общего биологического движения от низших к высшим животным, является промежуточной ступенью. Только у человека большие полушария головного мозга как средоточие высшей психической деятельности достигают своего наивысшего развития.

Другими словами, мы приходим к выводу, что сложные безусловные рефлексы (или инстинкты) являются относительно простейшими функциями животного, направленными главным образом к приспособлению к окружающей среде и к поддержанию существования и рода.

Чем больше животное приближается по своему развитию к человеку, тем большее значение приобретает у него передний мозг.

У рыбы передний мозг заметен лишь как незначительный придаток к прочим отделам мозга. У быка он равен по весу $1/750$ всего веса тела, у собаки $1/24$, у обезьяны $1/48$ и человека $1/46$.

Кора мозга, образующая окрашенную в серый цвет поверхность мозга состоит из нервных клеток и является началом центра всей нервной системы. Роль ее сводится не только и восприятию, но и к анализу впечатлений и раздражений. Эти части мозга вместе с мозговыми концами зрительного, слухового, вкусового и других нервов, расположенные в коре полушарий большого головного мозга, называются "анализаторами" (термин академика Павлова) и представляют собой нервные клетки очень сложного строения.

Концы анализаторов в мозгу, обслуживающие отдельные "органы чувств" (рецепторы), занимают особые участки коры мозга.

В отличие от среднего, заднего и спинного мозга, передний мозг является нервным механизмом, выполняющим действия, уже не присущие животному от рождения, а являющиеся в результате благоприобретенных навыков, т.е. тоже рефлексов, но уже особых, названных Павловым условными.

На них мы и остановимся сейчас.

У высших животных и у человека безусловные рефлекс играют с точки зрения задачи этой книги второстепенную роль, а на первом месте стоят надстроенные над ними рефлекс условные, осуществляемые головным мозгом, являющимся как бы аппаратом, анализирующим внешний мир и принимающим сигналы о всех воздействиях внешнего мира.

Советским ученым академиком И.П. Павловым и его исследователями произведены многочисленные опыты, направленные к изучению этой категории рефлекс. Они не являются у животного врожденными, а появляются у него в результате опыта, привычки, дрессировки.

Вот как ученый Павлов изучал условные рефлекс на собаках.

Мы уже говорили о том, что раздражение слизистой оболочки рта во время прожевывания пищи передается по нервам в головной мозг и оттуда по другим нервным путям к железам, выделяющим слюну. Все это есть врожденный безусловный рефлекс.

Однако опыты Павлова показали, что железы могут выделять слюну и без того, чтобы во рту у животного находилась пища. Собаке давали только понюхать кусочек мяса, и у нее уже начиналось слюноотделение (безусловный рефлекс). Этот же процесс происходил потом при одном только приближении к собаке служителя, обычно дающего ей пищу.

Затем удалось добиться того, чтобы у собака выделялась слюна под воздействием самых разнообразных раздражителей, действующих на зрение, слух, осязание, обоняние.

Например, давали собаке пищу и в это же время зажигали электрическую лампочку или ударяли в колокольчик определенного тона.

После нескольких таких приемов у собаки начинала выделяться слюна уже без пищи, а при одном только зрительном раздражении от света, или слуховом — от звона колокольчика. Все это — уже условные рефлекс.

Здесь, в механизме нервной деятельности собаки происходил весьма сложный и чрезвычайно важный процесс.

Сперва собака воспринимала свет лампочки почти одновременно с прожевыванием пищи. Нервные окончания слизистой оболочки рта раздражались одновременно о зрительными нервами.

Оба эти раздражения как условный рефлекс передавались в головной мозг, а оттуда сигнализировали железе о необходимости выделять слюну.

После того, как это условное соединение двух раздражителей повторилось несколько раз, связь между ними закрепилась, и в результате стал действовать на слюнную железу один только световой раздражитель.

Получился условный рефлекс.

При дальнейших опытах удалось на любом врожденном безусловном рефлексе строить большое количество самых разнообразных и сложных условных рефлексов.

Интересный пример возникновения условного рефлекса у человека приводит ученик академика В.М. Бехтерева профессор А.И. Ющенко.

Одной женщине раздражали электрической искрой подошву ноги. Нога вздрагивала и одновременно с этим перед глазами женщины вспыхивала электрическая искра. В дальнейшем женщине пришлось поселиться в комнате окнами на улицу, по которой ходили трамваи. И каждый раз, когда она видела над трамвайной дугой вспыхивающую искру, у нее вздрагивала нога.

Дальнейшее изучение нашими учеными вопроса о природе условных рефлексов показало, что эти рефлексы возникают не только на почве врожденных безусловных рефлексов, но также и вслед за однородными им условными рефлексами.

Например, у собаки вызывали слюноотечение зажиганием лампочки. Потом одновременно со световым раздражителем ударяли по какому-нибудь определенному клавишу рояля. Через некоторое время собака начала выделять слюну уже при одном только звуке рояля, но именно при той ноте, к которой ее приучили.

Это называется условным рефлексом второго порядка. Может быть рефлекс третьего, четвертого порядка и т.д.

Итак, в результате научной работы академика Павлова и академика Бехтерева мы теперь знаем, что поведение человека и животного обуславливается возникновением условных рефлексов, отвечающих на всевозможные раздражители и изменения условий окружающей нас действительности.

Ко всему этому следует добавить, что чересчур сильные раздражения иногда не возбуждают, а, наоборот, затормаживают рефлексы, не дают им проявляться. Всякий новый непривычный раздражитель также действует над условный рефлекс, тормозя его проявление.

Затем надо сказать, что у собаки условные рефлексы с наибольшей быстротой возникают при звуковых и обонятельных раздражителях. Это следует всегда учитывать при дрессировке.

Все опыты, которые ведутся учеными школы И.П. Павлова над установлением у животных (главным образом собаки) условных рефлексов, носят чисто научно-экспериментальный характер и основаны исключительно на механическом воздействии на психику животного. При этих опытах ученые данной школы, принципиально стоя на строго объективной точке зрения, преднамеренно выделяют из поля своего внимания внутренние переживания, в частности эмоции животных, сосредоточивая свои исследования на физиологических моментах, для достижения в конечном счете общих целей по изучению психофизиологии живых существ.

В отличие от этого рода опытов я всю свою жизнь занимался изучением и приспособлением для нужд дрессировки тех условных рефлексов, которые возникают на фоне эмоции, приятной для животного, имея в виду, что всякое неприятное ощущение может только затормозить рефлекс. Методы вызывания простых условных и сочетательных рефлексов у И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, являясь механическими и болевыми, нежелательно отражаются на чистоте и точности их, в то время как мой метод, основанный на установлении и использовании рефлексов, сопровождаемых положительными эмоциями, не будучи по своей природе ни механическим, ни болевым, не вызывает этих отрицательных явлений торможения.

Отвергая всякое насилие или механическое воздействие, способное вызвать неприятное ощущение, я начинаю дрессировку не сразу, а строю свой метод дрессировки в следующем порядке: прежде всего я произвожу:

- 1) одомашнивание животного (доместикация),
- 2) обезволивание животного, или приведение его в полное подчинение дрессировщику.

И только после этого я применяю:

- 3) пользование эмоциями животного для получения условных рефлексов (эмоциональных рефлексов В.Л. Дурова).
- 4) широкое использование тех движений и привычек животного, которые свойственны ему по природе.

Постараюсь вкратце объяснить значение каждого из этих этапов дрессировки.

Каждое животное, в том числе и собака, в особенности если она из питомника или со двора, чувствует некоторый род испуга и настороженности, попадая в руки дрессировщика. Такое состояние ее способно затормозить, задержать проявление и выработку тех или иных рефлексов. Поэтому, прежде всего, необходимо животное предельно доместифицировать. Для этого дрессировщик должен сам кормить собаку, играть с ней, ласкать ее, приучать к обстановке, в которой будет вестись дрессировка.

При этом у собаки, между прочим, вырабатываются некоторые элементарные условные рефлексы, способные облегчить дальнейшую работу.

Попутно с этим необходимо добиться того, чтобы собака всецело подчинилась хозяину-дрессировщику, чтобы последний, если можно так выразиться, завоевал в ее глазах полнейший и безусловный авторитет. Чем больше авторитет у дрессировщика, тем лучше и быстрее пойдет дело с дрессировкой.

Приступая к дрессировке, необходимо раз и навсегда отказаться по соображениям целесообразности от каких-либо болевых и устрашающих воздействий на животное вроде хлыста, палки, парфорса, хватания за шиворот, шлепков, окриков. Все должно быть основано исключительно на действиях, приятных для животного, на прикорме ("вкуспоощрение" — по моей терминологии), ласке поглаживанием, на ласковых поощрительных словах.

Такой метод даст наиболее верные и быстрые положительные результаты, в то время как болевые и устрашающие воздействия только заставляют действовать тормозные и оборонительные процессы, мешающие дрессировке.

Совершенно избегал насилия, следует широко, почти постоянно, пользоваться при дрессировке прикормкой, "вкусопоощрением", как для установления необходимых, намеченных дрессировщиком, условных рефлексов, так и для закрепления естественных и случайных движений собаки, которые покажутся дрессировщику полезными для дальнейшей работы.

Вкусопоощрение должно также служить для укорочения полного торможения или растормаживания целого ряда случайных или естественных условных рефлексов по выбору дрессировщика.

Подробно об этом я поговорю дальше.

А пока повторю свое утверждение, основанное на моем более чем полустолетнем опыте, что дрессировка, применяемая сейчас и основанная на одном механическом воздействии, не сможет дать и сотой доли того, чего можно добиться от собаки с помощью планомерного и вдумчивого установления эмоциональных рефлексов, ибо, как говорит доктор В.П. Сперанский, ученик Бехтерева:

"Без соответствующей эмоции мы не мыслим формирования условного рефлекса. Это — нечто обязательное, без чего невозможно образование новой рефлекторной дуги, нового организованного двигательного комплекса. Мы приучиваемся к любому новому для нас движению при обязательном участии активирующей его эмоции".

Все это, сказанное о человеке, в одинаковой степени может и должно быть применено и к работе с собакой.

Итак, приступая к разрешению серьезнейшей проблемы, касающейся создания новых кадров промыслово-охотничьих собак, мы должны не только самым широким образом популяризировать методы зоорефлексологии, но и одновременно с этим внедрять в массу охотников и дрессировщиков технику использования эмоциональных рефлексов для целей дрессировки.

Именно с этим намерением поделиться своим богатым практическим опытом в области такой техники я и решил проступить к составлению настоящей книги.

III. Торможение условных рефлексов

Дрессировка собаки всегда требует известной сосредоточенности как со стороны дрессировщика, так и со стороны дрессируемого животного. Этому обстоятельству следует придавать самое серьезное значение.

Такое внутреннее сосредоточение, по В. Бехтереву, состоит "в постоянных оживлениях известных следов" (былых раздражений в мозгу).

При возможном устранении всех других мешающих работе следов и при подавлении всех вообще внешних реакций у обезволенной собака это сосредоточение, играющее исключительно важную роль в дрессировке, выражается у domesticированного животного гораздо ярче и полнее, чем у человека, потому что воля и задерживающие центры у такого животного более подавлены воспитанием, упражнением, дрессировкой.

Спокойное, сосредоточенное внимание является первым и главнейшим условием при дрессировке собаки, для полного переживания ею ощущений, вызванных сигналами, следами, световыми и иными раздражителями.

При ослаблении же внимания ряд сочетательных рефлексов задерживается и иногда совершенно прекращается; цепь условных рефлексов как бы обрывается.

Отсюда дрессировщик легко может сделать соответствующие выводы насчет того, что успешность в обучении собаки, прочность и полнота выполняемых ею движений в очень значительной степени зависят от того, в какой обстановке производится дрессировка. И собака, и человек должны быть абсолютно спокойны, и внимание их должно быть сосредоточено только на работе.

Конечно, индивидуальные особенности собак и то, в какой степени они обезволены, также играют большую роль в установлении прочного контакта между человеком и животным. Поэтому и устанавливать условные рефлексы невозможно у всех собак одинаково, по шаблону.

Степень сосредоточенного внимания у собак весьма различна: у одной сосредоточенность проявляется в любой момент и сохраняется довольно долго; у другой сосредоточенность вызывается с некоторыми усилиями и сохраняется на короткое время.

Когда вы достигли полной сосредоточенности у собаки, посадив ее перед собой и заставив слушать только себя и наблюдать только ваши движения, можно приступать к дрессировке путем установления условных рефлексов и методическим закреплением их теми способами, о которых я говорил выше.

В процессе дрессировки, в процессе установления у собаки условных рефлексов в виде тех или иных движений вам иногда может понадобиться, чтобы собака не довела до конца своего движения, то есть остановилась на том моменте, который как раз соответствует намеченному вами заданию.

Для этого вы тем же методом вкусопоощрения затормаживаете движение и быстро добиваетесь своей цели.

Моя овчарка Марс по моему желанию во всякое время начинала аппетитно потягиваться. Потягивание происходило почти всегда полностью от начала до конца, то есть туловище собаки сперва подавалось назад, причем передние лапы напрягались, принимая почти горизонтальное положение, при этом голова и шея опускались к земле, затем туловище с изогнутым вниз позвоночником медленно двигалось вперед, вытягивались задние ноги и тянулись за туловищем, голова и шея принимали вертикальное положение.

Затем я пожелал искусственным образом изменить или, вернее, сократить это потягивание. Для этого мне достаточно было в нужный момент дать Марсу лакомство и он, не дотянувшись до конца, превращал медлительный процесс и сосредоточивал все свое внимание на подачке.

Это торможение и в следующий раз, когда я приказывал потянуться, вызывало недотягивание, другими словами, получилось новое движение, которое дрессировщик в своей практике сможет использовать как ему понадобится.

Например, многие охотники находят особенную красоту в стойке, когда собака, остановившись перед самой дичью, застывает с приподнятой передней лапой.

Ясно, что это тоже сеть своего рода заторможенное движение. Почувствовав дичь перед самым своим носом, собака сразу теряет темп потяжки и, вынужденная охотником сразу остановиться, не заканчивает движения одной из своих передних лап, и та повисает в воздухе.

Впрочем, я думаю, что это не имеет серьезного практического значения, и я привожу пример лишь как иллюстрацию.

Вместе с тем я уверен, что у дрессировщика охотничьих собак в работе его встретится не мало таких случаев, когда потребуется затормозить, не довести до конца какое-либо движение собаки.

Здесь он также легко достигнет успеха не с помощью механического воздействия, насилия, а только воспользовавшись вкусопоощрением и применив ласку.

Должен оговориться. Затормозить нетрудно, но как именно затормозить и как оживить торможение в мозгу животного — это, по-моему, в значительной степени зависит от чутья самого дрессировщика.

Можно так затормозить, что и от самого торможения ничего не останется, и сам эмоциональный рефлекс пропадет.

Много значит, чтобы во время вашего искусственного торможения не появилось какое-либо внешнее, постороннее торможение, т.е. надо, чтобы собака находилась в состоянии спокойной сосредоточенности.

Был, например, случай, когда пролетающий мимо окна голубь отвлек внимание одной из обезьян, с которой я работал, добываясь нужного мне заторможенного действия. Все дело было испорчено, и пришлось работу начинать сначала.

IV. Собака — не машина

Читая некоторые статьи и книги теоретиков и практиков дрессировки охотничьих собак, невольно обращаешь внимание на то обстоятельство, что почти все эти авторы самого дрессировщика ставят в какую-то подчиненную собаке и условиям дрессировки роль.

Некоторые пишут: "Когда собаке придет желание сделать то-то", или: "В этот момент собака замирает от волнения и восторга", или: "У вас не найдется способа заставить собаку сделать то-то..." и т.д.

Читая эти рассуждения, иногда перестаешь понимать, кто же кого дрессирует — человек собаку или собака человека?

Именно отсюда, несомненно, вытекают и практикуемые до сегодняшнего дня первобытные методы дрессировки собак, выражающиеся в механическом воздействии на животное.

Собака кусает человека, человек, защищаясь, бьет ее палкой. Чтобы собаку выгнать, человек подстегивает ее хлыстом. Собаке нужно остановиться — человек привязывает ее на веревку...

А ведь на самом деле мы знаем, что человек на современной стадии своего развития как существо социальное, наделен той способностью ставить себе сознательные трудовые цели, которая и отличает его от животного.

Эта способность человека осуществлять свою сознательную цель поднимает его на значительно более высокую ступень по сравнению с животными.

"Паук, — пишет К. Маркс, — совершает операцию, напоминающую операцию ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде, чем построить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся в представлении работника. Он не только изменяет форму того, что дано природой, а в том, что дано природой, он осуществляет в то же время свою сознательную цель".

Вот эту-то "сознательную цель" в приспособлении природы к своим производственным нуждам и должен, между прочим сознательно, преследовать каждый дрессировщик, изменяя сообразно этим целям поведение своего исполнителя — собаки.

"Собака вывела человека в люди", — писал проф. Богданов, разумея то, что с помощью собаки человек от первобытного звероловства поднялся на высшую хозяйственную ступень скотовода и оседлого земледельца. Но выражение это совершенно неправильно.

Не "собака вывела человека, в люди", а человек сознательно переделал поведение собаки, превратив ее (учитывая природные способности) из дикого зверя в послушного сторожа, загонщика скота или в отыскивателя звериных следов и запахов.

Однако пока, как мы видим, человек не пошел в этом направлении дальше способов одного физического воздействия на собаку в процессе приспособления ее к своим хозяйственным нуждам.

Между тем мы знаем, что современная наука утверждает единство физического и психического в природе поведения животного.

Воздействуя так или иначе на физическую сущность животного, мы не можем забывать и об отражении материальной сущности процесса в его психической сфере.

Совершенно недостаточно знать лишь одно внешнее поведение животного. Надо одновременно с этим изучать также и основы его психики. Хотя это и представляет известные трудности, но зато оплачивается сторицей, давая в области дрессировки чрезвычайно богатые результаты.

Тут я не могу удержаться от того, чтобы не упомянуть об академике Павлове, который, производя огромное количество опытов над собаками, установил в лаборатории за употребление психологических терминов в применении к собаке штраф для своих сотрудников. Но это не помешало все же ему написать в 1914 году:

"Я преклоняюсь перед усилиями мысли старых и новых психологов и я проникнут убеждением, что чистая физиология головного мозга животных облегчит непомерную богатырскую работу тех, кто посвящал и посвящает себя науке о субъективных состояниях человека".

Думаю, что сторонники того взгляда, что поведение человека и животного надо изучать только в порядке экспериментальной физиологии, никогда не добьются полных результатов, тех результатов, к достижению которых толкает нас жизнь.

Для пояснения моих работ в этой области считаю нужным привести некоторые мысли из моей книги "Дрессировка животных. Сорокалетний опыт" (1924 г.).

Наблюдая и изучая выражение ощущений у людей и животных, я заметил следующее: повседневно люди, разговаривая друг с другом, сами того не замечая (за собою и за другими), передают и воспринимают одинаковые, однородные выражения во время интересующего их разговора.

Эти однородные выражения или, лучше сказать, одинаковые сокращения и изменения мышц лица часто как бы застывают на лице и некоторое время, независимо от перемены темы, или точнее сказать, от образов, проносящихся в мозгу слушающего, остаются, как бы застывая на несколько минут. Затем постепенно сглаживаются и исчезают, или иногда переходят в другое положение, и получается иное выражение, в зависимости от смысла разговора.

Представления, образы как бы отражаются на лице и некоторое время удерживаются на нем только тогда, когда внимание особенно сосредоточено. Подробности рассказа об убийстве знакомого вызывают выражение ужаса на лице слушающего, и когда рассказчик переходит к какой-нибудь мелочи, не имеющей непосредственного отношения к фактам убийства, слушающий всё-таки не меняет выражения лица. Но вот заговорили о другом, и у него постепенно меняется выражение лица. Он как бы очнулся и уже следит за собою и придает своему лицу другое выражение — деланное, подобающее данному моменту, т.е., иначе говоря, он симулирует.